

О ЗНАКОМСТВЕ МОЛОДОГО ДОСТОЕВСКОГО
С ТЕКСТАМИ ГЕРЦЕНА И КАРУСА

I. Творческий кризис середины 1846–конца 1847 г.

Начало работы над замыслами «Хозяйки» и «Неточки Незвановой» восходит к октябрю 1846 г. (письма от 7 октября и от 20-х чисел октября 1846 г. – 28, 128, 131). Впервые Достоевский указывает название новой повести в письме брату Михаилу от января–февраля 1847 г. По форме высказывания – «Я пишу мою “Хозяйку”. Уже выходит лучше “Бедных людей”» – следует, что М. Достоевский знал о работе над этим замыслом. Работа над «Хозяйкой» вклинивалась в промежутки, образовывавшиеся между писанием отдельных частей «Неточки Незвановой» (романом, который он называл «исповедью» и сравнивал с «Двойником» – 28, 139). Ничего не говоря о содержании задуманных работ, Достоевский надеялся отойти в них от прежней изобразительной манеры, характерной для «Бедных людей» и «Сбритых бакенбард». Он мечтал подготовить за свой счет отдельное издание «Бедных людей» и «Двойника», выгодно продать его, а «года через два» подготовить новое полное издание своих сочинений, которое бы включало также роман и повести, над которыми он сейчас работал для Краевского. В 1846 г. поиски типографии и денег оказались безуспешны.¹ Попавший в финансовую зависимость от «антрепренера» Краевского Достоевский всеми силами пытался сократить повседневные рас-

¹ Только к 27 октября 1847 г., т. е. почти через месяц после опубликования 1-й части «Хозяйки» в «Отечественных записках», Достоевский смог сдать в Цензурный комитет текст «Бедных людей» для отдельного издания, билет на выход книги в свет был выдан 23 декабря, но публикация отдельного издания «Бедных людей» не помогла ему выпутаться из долгов. См.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 1993. Т. 1. С. 137, 139.

ходы на жилье и обеды. Он вошел «в ассоциацию», поселившись вместе с друзьями: братьями Бекетовыми, Залюбецким и другими (письма от 17 сентября и 26 ноября 1846 г. – 28₁, 126, 134). На регулярные собрания ассоциации заходили и братья Майковы, оба искренно верившие в талант Достоевского, младший из которых, Валериан, после ухода Белинского из «Отечественных записок» был приглашен Краевским вести в журнале отдел критики. Посещая кружок Бекетовых, он нередко пересказывал друзьям содержание статей, которые еще только готовились им для «Отечественных записок», делился с ними последними литературными новостями и сам узнавал о литературных замыслах Достоевского раньше других. Майкову было понятно стремление Достоевского отойти от его прежней повествовательной манеры и в большей мере сосредоточиться на изображении внутренней душевной жизни героев. Поворот от гражданского сентиментализма в сторону психологического романтизма, ставший характерной чертой произведений Достоевского, написанных им для «Отечественных записок», был отмечен Майковым как новая, оригинальная особенность текущей русской литературы, и о том, что Валериан Майков собирался писать о нем «большую статью к 1-му января», Достоевский сообщал брату Михаилу еще в сентябре 1846 г. – 28₁, 126. Следовательно, он не мог не знать об интересном наблюдении Майкова, что лишь при повторном прочтении произведений Достоевского читателю раскрываются такие детали в изображении душевного состояния женщины, как переживание чувства неприятного удивления, неловкости и раздражения от сознания невозможности ответить взаимностью на проявление даже самой бескорыстной любви. Майков тонко заметил, что подобное чувство стыда и неловкости бывает обычно вызвано стремлением освободиться от эмоционального плена, налагаемого любовной опекой.² Эти незанятые валентности психологической прозы, обнаруженные Майковым в изображении характеров «Бедных людей», укрепили в Достоевском стремление повернуть от тематики гражданского сентиментализма в сторону «Хозяйки», где в центре оказываются, с одной стороны,

² Майков В. Н. Нечто о русской литературе в 1846 г. // Майков В. Н. Литературная критика. Л., 1985. С. 179–183 (впервые в «Отечественных записках». 1847. Т. 1. Отд. V. С. 1–17).

психофизические метания «слабого сердца», напуганного осознанием греховности порыва к воле (Катерина); с другой – безудерж и тирания стихийных страстей (Мурин), а также неосознаваемые и непонятые проявления жизни человеческого организма: лихорадочное возбуждение и апатическое бессилие, болезненные сновидения, моменты беспамятства, граничащие с безумием (Ордынов, Катерина). Еще важнее, чем замечания из этого годового обзора русской литературы, для Достоевского по ходу работы над образами Катерины и Мурина могли оказаться наблюдения относительно «национальных особенностей русских», на формирование которых оказали сильное влияние особенности «почвы и судьбы», и выведенный Майковым «закон двойственности национальных физиономий», контрастные проявления которого он обнаруживал в душевных порывах, поступках и во всем образе жизни «русского удальца» и «смирного малого», а также анализ тех стихотворений Кольцова, которые изображали чувство любви, овладевшее русской женщиной-крестьянкой: «любовь – огонь, с огня – пожар», это «страсть, вскормленная ‘слезами и тоской’». ³ Беседы с В. Майковым о содержании этой статьи и чтение первого посмертного собрания стихотворений Кольцова натолкнули Достоевского на мысль обратиться в «Хозяйке» «к фольклорной стилизации, народно-поэтическому языку, к сказовой форме, в которой узнаются жанровые элементы сказки, песни <...>, предания...», старинной «думы» в манере «Страшной мести», но перенести гоголевскую фольклорно-романтическую традицию на «почву» городской повести в манере натуральной школы. ⁴

³ Майков В. Н. Стихотворения Кольцова // Там же. С. 141–142, 166, 167 (впервые в «Отечественных записках». 1846. № 11, 12). Рецензируемое Майковым собрание сочинений Кольцова было опубликовано в феврале 1846 г.

⁴ Дилакторская О. Г. «Странная вещь! Непонятная вещь!» («Хозяйка» как петербургская повесть) // Дилакторская О. Г. Петербургская повесть Достоевского. СПб., 1999. С. 63, 84–91 (библиография). Эта характеристика поэтической манеры «Хозяйки» не касается собственно текстуального анализа, хотя в плане изучения стилистических шаблонов эпистолярной первой четверти XIX в. аффектированные формы обращения в письмах М. А. Достоевского к жене представляют близкую аналогию формам мысленного собеседования Ордынова с Катериной. См., напр., М. А. Достоевский жене 6 августа 1833 г.: «Прощай, душа моя, голубица моя, радость моя, жизненок мой, целую тебя до упаду» (Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских: (Письма М. А. и М. Ф. Достоевских). М., 1939. С. 81).

Скорее всего, первые сведения о содержании «Завещания» Гоголя и предполагаемой скорой публикации этого текста (в октябрьском номере «Современника» 1846 г., как сказано в письме Михаилу) Достоевский тоже услышал от Майкова, который, в свою очередь, узнал об этом через Никитенко, бывшего в добрых отношениях с редактором «Отечественных записок» и по просьбе Плетнева цензурировавшего книгу Гоголя.⁵ «Выбранные места» вышли в свет 1 января 1847 г., а к концу месяца Майков уже опубликовал краткий отзыв об этой книге, стилистически и по отбору цитируемых и комментируемых фрагментов близкий к предварительным замечаниям Достоевского, сообщаемым им как «факт» брату Михаилу. Майков с удивлением, но и с уважением писал о духе «монашеского смирения», которым проникнуто «Завещание» Гоголя, человека «так тяжело страждущего душой и телом»; он обращал внимание читателей на специфический способ словесного выражения этих физических и психических ощущений: «Замирает от ужаса душа»; «Стонет весь умирающий состав мой»; «Усталость чувствуется во всем составе тела».⁶ Майков цитировал слова Гоголя о его особом умении *так* показать «пошлость пошлого человека», что заурядные читатели «Мертвых душ», в той или иной мере узнававшие себя в героях поэмы, чувствовали себя и оскорбленными и испуганными этими описаниями. Рецензия Майкова оканчивалась восклицанием: «Вот как Гоголь отказывается от своего таланта и своего произведения!».⁷ Под впечатлением от этого нового подхода к человеку, центрированного на изображении психофизических состояний, Достоевский развернет в «Хозяйке» описания физических недугов и страданий, подвигающих душу к осознанию греха, раскаянию, покаянной молитве, что отразится и в характерно гоголевском словоупотреблении («страдал весь состав его» – об Ордынове).

Сказанное касается уже окончательного текста повести, а в середине 1846 г. Достоевскому, решившему отойти от своей

⁵ Первое письмо М. М. Достоевскому по возвращении из Ревеля, 5 сентября 1846 г. – 28, 125.

⁶ Майков В. Н. Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя // Майков В. Н. Литературная критика. С. 297–298 (впервые в «Отечественных записках». 1847. № 2. Отд. VI. С. 69); см.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1952. Т. 8. С. 221, 228.

⁷ Там же. С. 299.

прежней манеры, важно было найти для своих новых замыслов иную тематическую композицию, т. е. решить, в чем будет состоять главная мысль или идея будущей повести, кем должен оказаться в реальной жизни герой повествования и как будет выстроен этот рассказ о герое. Поиски новой манеры он называл периодом «учения» своего и, как прежде, в пору работы над «Бедными людьми», перечитывая других, «извлекал умение создавать», т. е. по-иному смотреть на мир, изображенный его современниками и предшественниками. За время летнего отдыха в Ревеле Достоевский рассчитывал преодолеть свои авторские сомнения, найти новую манеру изображения увиденного и, вдохновившись открывшейся ему перспективой, создать произведения, которые разом разрешат все его затруднения: помогут избавиться от долгов и восстановят его прежнюю славу. О том, в какой мере созданное в период лета 1846–конца 1847 г. соответствовало его собственным литературным амбициям, можно судить по его письмам к брату и к издателю «Отечественных записок», Краевскому.

Кабальную зависимость от литературного антрепренера и заимодавца Краевского Достоевский называл рабством, которое губительно сказывалось на всей его жизни:

...я, чтоб исполнить слово и доставить к сроку, насилывал себя, писал, между прочим, такие дурные вещи или (в единственном числе) – такую дурную вещь, как «Хозяйка», тем впадал в недоумение и в самоумаление и долго потом не мог собраться написать серьезного и порядочного. Каждый мой неуспех производил во мне болезнь (28, 147).

В состоянии болезненного самоумаления Достоевский, поначалу увлекаемый оригинальностью новых замыслов, оказывался не в силах разрабатывать их соответствующим образом, терял интерес к художественной стороне произведений, которые должен был закончить к сроку, в спешке портил их и кончал отрицательной оценкой написанного.

Главная трудность в интерпретации «Хозяйки» состоит не в том, что исследователям нечем заполнить временной промежуток от первого упоминания о ее замысле (середина октября 1846 г.) до дня публикации окончания повести (2 декабря 1847 г.), а в том, что исключительная значимость этого замысла для психологии творчества писателя и скрытая в идее этого замысла эмоционально-этическая установка на нового героя-про-

тагониста не нашли себе полноценной художественно убедительной реализации в окончательном тексте повести. Грубый и пренебрежительный тон отзывов Белинского о «Хозяйке» объясняется тем, что критик увидел в ней не попытку порвать с установившимися стандартами, а небрежение литературными нормами реализма. Сердито замечая, что Достоевский в этой повести «хотел помирить Марлинского с Гофманом, подболтавши немного Гоголя», Белинский, однако, точно указал на авторов, в произведениях которых изображения драматизации сна занимают важное место.⁸ Чтобы избежать пристрастной оценочности Белинского, современным исследователям поэтики содержательных форм «Хозяйки» приходится флуктуировать между потенциальными возможностями замысла и его неполной реализации в окончательном сюжете повести.

II. Чтение Достоевским «Дилетантизма в науке» Герцена

Поездка в Ревель оказалась в творческом отношении малопродуктивной. Но, не преуспев в писании, Ф. М. Достоевский погрузился в чтение не только тех авторов, о которых сообщал брату как о соперниках, а вместе с Михаилом читал немецкие книги, которые доходили до Ревеля раньше, чем до Петербурга. Затянувшееся писательское молчание было прорвано циклом фельетонов, написанных весной 1847 г. от лица фланера – мечтателя, и повестью «Хозяйка», герой которой по душевному складу является мечтателем и впрямую назван автором фланером.⁹ Очевидно, сдвиг от сюжетов, уже исчерпанных рассказами о злоключениях «бедных людей», в сторону повестей, изображающих душевный мир мечтателей, произошел под влиянием ревельских чтений и размышлений. Среди прочитанного Достоевским стоит особо выделить цикл статей

⁸ Белинский В. Г. Полное собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12: Письма 1841–1848. С. 421, 430, 467.

⁹ Выражение «фланер», подхваченное из парижских фельетонов Бальзака, впервые встречается в письме Достоевского брату Михаилу от 16 ноября 1845 г., в котором он сообщает о написанном им предисловии к альманаху «Зубоскал» и, соответственно, в тексте предисловия (18, 7, 213, 215). О появлении в русской литературе нового образа городского наблюдателя см.: Анциферов Н. П. Петербургский фланер. Маршруты персонажей Достоевского // Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. М., 2009. С. 269–286; см. также с. 58, 74–100, 212–213.

Герцена «Дилетантизм в науке», а также указать на определенное воздействие идей немецкого психолога, художника, врача и писателя Карла Густава Каруса, книга которого «Psyche» была опубликована в 1846 г.¹⁰

Начнем с первой статьи из герценовского цикла, опубликованной еще в 1843 г. в «Отечественных записках». Ее начальные абзацы – обещание заняться дилетантами и романтиками от науки¹¹ – могли ориентировать писательские устремления Достоевского, который в это время искал для своих замыслов постановки героя, несводимой к его социальному статусу. В герценовском «вступлении» к вступительной статье содержится в виде сжатой формулировки всё, что читатель узнаёт об Ордынове – недавнем университетском кандидате, «ударившемся в исключительность <...> чуде» и уединенном мечтателе, не ученом, а «художнике от науки», тщетно пытающемся довести до завершения некий «план» или «эскиз создания», относящийся до истории церкви (1, 265, 266, 318). Взятые в кавычки выражения Достоевского легко могут быть приняты за парафразы из Герцена и относятся к авторской характеристике Ордынова, охватывающей, как рамой, текстуальное полотно, затканное изображением сновидений и болезненных фантазий героя.

Чтение герценовского цикла подсказало Достоевскому идею построить свой новый замысел вокруг концепции *несостоявшегося* героя, отравленного мечтательством, неспособного ни волевым, ни логическим усилием довести «бессознательное влечение» к науке до плодотворного осуществления своих «вещественных надежд» (1, 265, 318). Общую характеристику социального поведения мечтателя от науки как несостоявшегося культурного героя находим у Герцена:

Дилетанты вообще тоже друзья науки, *nos emis les ennemis*, как говорит Беранже. Но не приятели современному состоянию ее. Все они чувствуют потребность пофилософствовать <...> в известных границах; сюда принадлежат нежные, мечтательные души, оскорбленные положительностью нашего века; они, жаждавшие везде осуществления своих милых, но несбыточных фантазий, не находят их в науке, отворачиваются от нее и, сосредоточенные в тесных сферах личных

¹⁰ Carus C. G. Psyche. Zur Entwicklungsgeschichte der Seele. Pforzheim, 1846.

¹¹ Герцен А. И. Дилетантизм в науке. Статья первая // Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 3. С. 7–9.

упований и надежд, бесплодно выдыхаются в какую-то туманную даль.¹²

Приведенная афористическая формула Герцена могла подсказать Достоевскому общую концепцию будущего героя: в образе Ордынова можно видеть попытку художественной реализации идеи мечтателя. Сколь удачной оказалась реализация этого концепта и считал ли Достоевский «Хозяйку» литературным достижением – вопрос иной. Недовольство исполнением своего замысла оставило резкий след в творческой памяти писателя, толкало его на повторное передумывание сказанного, позволяло пояснять и изменять первоначальные суждения об этом новом типе героя. В последующих произведениях мы будем встречаться с сентиментальным героем-мечтателем («Белые ночи», в большой мере герой-повествователь «Униженных и оскорбленных»), с антигероем, превращающим в ничто свои прежние альтруистические мечтания («Записки из подполья»), с христианским героем, не имеющим сил научить людей вокруг него альтруистической любви, заразить их стремлением к сочувственному сопереживанию несчастий другого (Мышкин). Но фигуры несостоявшегося героя мы не найдем нигде. Между двумя мечтателями – героями «Хозяйки» и «Белых ночей» – дистанция огромного размера», хотя хронологически всего один год отделяет окончание одной повести от другой. В отличие от Ордынова, герой «Белых ночей», вырвавшись из плена бесплодных фантазий, оказывается деятельным соучастником построения счастья любимой и находит в этом исполнение своей мечты о блаженстве «хоть бы и на всю жизнь...» (2, 141).¹³ В «Хозяйке» же, словно в подтверждение формулировки Герцена о замкнутости мечтателей-дилетантов в тесной сфере их бесплодных упований, рассказ о несостоявшемся герое заканчивается словами: «Мало-помалу Ордынов одичал еще более прежнего...». По всей вероятности, в плане нарратологии, для авторской задачи *изображение несостоявшегося* как своего рода субъекта повествования (а не как индивидуальной личности) не может быть найдено эстетически убедительной

¹² Там же. С. 9.

¹³ Флуктуация ценностных и оценочных характеристик, значимость и идейно-символическое наполнение образа мечтателя подробно и глубоко изучены в мировом достоевсковедении и в пересмотре не нуждаются.

художественной формы. Неадекватным приближением к такого рода словесным изображениям может быть драматизация фантастических видений и болезненных сновидений.

Развитие фабульного действия в «Хозяйке», начиная с первой встречи героя с Муриным и Катериной, за день до того, как он снял квартиру у бедного немца Шписа и его дочери Тинхен, и до возвращения к его тихим квартирохозяевам, укладывается в пять-шесть дней, если не считать продолжительности болезни и беспамятства (конец четвертого дня: «Он слабо вскрикнул и лишился чувств...» – «он проснулся, весь облитый холодным, ледяным потом» (1, 277, 280). Но, в отличие от четырех «белых ночей», одаривших сентиментального героя блаженством, сюжет «Хозяйки» построен как драматизация мучительного сна (определение А. Л. Бема).¹⁴ Как нарратологическая категория драматизация сна допускает повествование с полностью устраненным рассказчиком-повествователем. Кете Фридрихманн (Käte Friedmann) в работе «Роль рассказчика в эпике» предлагает называть «драматизацией» такой вид повествования в прозе, когда всё происшедшее с героями повествования подается не как рассказанное, а как непосредственно пережитое или перечувствованное. Таким образом, на вопрос «Кто здесь рассказчик?» – можно ответить только: «Его здесь нет». С устранением рассказчика мы вынуждены смотреть на изображенное в рассказе/истории не как на происшедшие события, а как на переживаемое в воображении, в созерцательных размышлениях, фантазиях и снах. Объективное зеркало мимезиса мутнеет, и все вещи предстают в искаженных образах.¹⁵ Приняв определения Бема «развертывание сновидения» и «драматизация бреда» как нарратологическую характеристику, указывающую на повествование с устраненным рассказчиком, мы получаем возможность принять как эстетически содержательные и значимые страннейшие логические несообразности, отсутствие стилистического единства, отсутствие временной последова-

¹⁴ Бем А. Л. Драматизация бреда (*Хозяйка* Достоевского); Развертывание сна (*Вечный муж* Достоевского) // Бем А. Л. Достоевский. Психоналитические этюды. Прага; Берлин, 1938. С. 83–99 (подглавка «Небыль и быль» в статье о «Хозяйке»); 54–71 («сущность процесса», которую Бем называет «развертыванием сна», с. 59).

¹⁵ Friedmann K. Die Rolle des Erzählers in der Epik. Leipzig, 1910. S. 47–51.

тельности в изложении и психологическую неубедительность эпизодов, из которых построена повествовательная ткань «Хозяйки». Вся повесть соткана из повторных, однообразных превращений непонятной и чуждой Ордынову картины живого мира в столь же непонятную ему цепь снов и болезненных фантазий. Вот первые часы, проведенные мечтателем-фланером на городских улицах:

Теперь он ходил по улицам, как отчужденный, как отшельник <...> верный своей всегдашней настроенности, он читал в ярко раскрывавшейся перед ним картине, как в книге между строк. <...> Он стал уставать от наплыва новых впечатлений, доселе ему неведомых, как больной, который <...> встал в первый раз с болезненного одра своего и упал, изнеможенный светом, блеском, вихрем жизни, <...> отуманенный, закруженный движением (1, 266–267).

III. Предположение о знакомстве с книгой Каруса «Psyche»

Статьи «Снотворчество», «Развертывание сна» и «Драматизация бреда» входят в сборник Бема «Достоевский. Психоаналитические этюды», полемически дополняющий и эстетически меняющий доминантную ориентацию Фрейда на роль подсознания, «рассудка и хотения» в художественном творчестве.¹⁶ В послесловии к сборнику Бем утверждает, что проблема сновидчества и мечтательства

была центральным узлом в раннем творчестве Достоевского <...>. Мечтательство было теснейшим образом связано с отрывом от жизни <...>, с «отъединением» от общего потока жизни с ее страданиями и ее бедствиями. Попытка несчастного Прохарчина забиться в мышиную нору личного, пусть и жалкого благополучия кончается катастрофой. Ордынов, живущий в мире вымысла и бреда, терпит крушение при столкновении с реальной жизнью. В той или иной мере все герои ранних произведений Достоевского могут быть рассматриваемы как мечтатели и фантасты, отъединившиеся от живого потока жизни. Для всех них также характерно и то, что в глубине сознания они ощущают

¹⁶ Бем А. Л. Достоевский. Психоаналитические этюды. Статья «Рассудок и хотение» (с. 172–186) посвящена анализу поздней повести Достоевского «Вечный муж», но идея о разрыве между «знать» и «хотеть», между «предсознательным (Vorbewusste) и сознательным», которая лежит и в психической жизни и в литературе в основе определения человеческого поведения, исчерпывающе объясняет непостижимые для Ордынова конфликты «слабого сердца» – и «вольной <...> души»; околдованности сном, мечтой – и «свободным порывом в настоящую жизнь...» (1, 319).

греховность этого отъединения, и при столкновении с действительными страданиями в жизни это чувство вины прорывается наружу.¹⁷

В центре внимания Бема не квазифрейдистский психоанализ личности Достоевского и его задавленных желаний, а психология художественного творчества писателя, раскрытие его профессионального умения сделать явленное в искаженных образах сна, кошмара, стыда, душевного дискомфорта и безобразия художественно осмысленным, значащим символом душевной и духовной жизни человека. Бем учитывает основные труды по психологии творчества, психоанализу, психологии и психиатрии, созданные в России и Европе в конце XIX–начале XX в., но не включает в свой сборник работ середины XIX в., в которых обсуждались разнообразные проявления душевной жизни и индивидуальной психики человека. Именно эти проблемы, поданные в романтико-шеллингианском метафизическом изводе, составляли «центральный узел» труда Каруса «Psyche».

Работа Каруса, появившаяся в 1846 г., была продолжением его более ранних психологических и эстетико-философских штудий, «Vorlesungen über Psychologie» (1830), и быстро стала широко известной в германоязычном мире.¹⁸ Предположение, что Ф. М. Достоевский познакомился с содержанием труда еще до ареста, делает Джозеф Франк. Он обращает внимание на первое письмо, отправленное Достоевским по освобождении из острога брату в Петербург с просьбой прислать ему Каруса, «Критику чистого разума» Канта на французском языке и «Гегелеву историю философии».¹⁹ Франк замечает, что, судя по ма-

¹⁷ Бем А. Л. Достоевский. Психоаналитические этюды. С. 183.

¹⁸ В культурных традициях середины XIX в. понятие Psyche переводили и понимали как «Психия», т. е. история развития души и душевной стихии. См., напр., письмо семипалатинского друга Достоевского, А. Е. Врангеля, родным от 2 апреля <1855> г.: «Судьба сблизила меня с редким человеком, как по сердечным, так и умственным качествам <...>. С ним я занимаюсь ежедневно, и теперь будем переводить Философию Гегеля и Психию Каруса» (Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854–56. СПб., 1912. С. 34).

¹⁹ Frank J. The Years of Ordeal, 1850–1859. Princeton, 1987. P. 171. Ссылки на письма Достоевского даны у Франк по публикации А. С. Долинина (Достоевский Ф. М. Письма: В 4 т. Л.; М., 1928. Т. 1. С. 139). В подстрочном примечании Франк объясняет, что из двух спорных прочтений: «Пришли мне Коран» или «Пришли мне Каруса» он предпочитает второе, с его аргументацией

нере выражения – «пришли мне Каруса», речь идет об авторе, имя которого братья знали еще до ареста Федора Михайловича; развивая это наблюдение, можно допустить что братья вместе читали книгу летом в Ревеле, причем Михаил помогал Федору с немецким. Следует добавить, что в рассказе «Господин Прохарчин», единственном произведении Достоевского, которое было завершено именно летом 1846 г. (и Достоевский читал его брату в Ревеле), можно найти отблески Карусовых интерпретаций ночной жизни человеческой души. Во всех значительных произведениях докаторжного периода, созданных после полугодового периода творческого бездействия, – в повести «Слабое сердце», фельетонах «Петербургской летописи», «Хозяйке», «Белых ночах», начальных главах романа «Неточка Незванова» отражаются разработанные Карусом толкования душевной стихии и психического поведения, не поддающегося пониманию разума. Шеллингианское мировоззрение Каруса (врача, психолога, художника и писателя), стиль изложения, близкий к созерцательной прозе немецких романтиков, многочисленные цитаты – примеры из Шиллера и Гете, – все это импонировало Достоевскому.

Попробуем резюмировать главные философские идеи Каруса, чтобы проследить их художественное преломление в развитии сюжетов и тематической композиции ряда художественных образов у Достоевского.²⁰ Карус считает, что ключ к пониманию жизни сознания, т. е. осознаваемой и постигаемой разумом жизни, лежит в области неосознанного. Он ставит себе задачей доказать, сколь правомерно называть неосознанную

можно согласиться. Лето 1846 г. представляется наиболее вероятным периодом, когда братья Достоевские могли бы заниматься совместным чтением немецких авторов. Менее вероятно, что они читали Каруса в конце 1847 г., так как у Михаила Достоевского, только что переехавшего с семьей в Петербург, вряд ли нашлось бы для этого время.

²⁰ Франк отмечает, что краеугольным камнем психологической системы Каруса и его представления о душе является «закон о любви», поддерживаемый учениями христианской морали и Нового Завета (*Frank J. The Years of Ordeal... P. 172–173*); он указывает, что вопрос о возможном влиянии идей Каруса на позднее творчество Достоевского, в частности, на трактовку любви в «Братьях Карамазовых», был впервые рассмотрен в работе Гибiana (*Gibian G. C. G. Carus and Dostoevsky // American Slavic and East European Review. 1955. No 14. P. 371–382*).

жизнь души основой сознания («in wie fern denn wirklich das unbewusste Seelenleben die Basis des Bewusstes genannt werden dürfe»²¹). Каждый человек, будучи единичным представителем рода людского, – индивид и неповторимо уникальная личность, а его душа – это микрокосм, т. е. целостный организм, чья сущность может быть понята как бесконечно малая изначальная клеточка (*Keimzelle*), которая в себе и для себя является прообразом/архетипом единого и целостного мира – космоса.

Согласно Карусу, всё латентное бытие живого существа, т. е. будущей личности, скрыто в организме матери, носящей в своей утробе плод соединения мужского и женского начал. В этом неосознанном, лишенном индивидуального и личного, которое еще не доросло до самовыражения и самораскрытия (*Selbstschau*), изначально хранится тайна божественной искры жизни – жизни, поначалу лишенной образа и потому представляющей собой некую тень, ожиданием чудесного, предчувствием. Большая часть целенаправленной деятельной жизни человека контролируется не его сознанием, а коренится в душевной стихии, которая принадлежит миру чувств, эмоциональных восприятий, мечтам и игре воображения, проявляющей себя в поэтических фантазиях и сновидениях. Созерцательные мечтания, символику сновидений, моменты сна (в противоположность бодрствованию) Карус толковал как такое состояние организма, когда человеку нет необходимости предпринимать волевые и действенные усилия для осуществления желаний или разумно и сознательно преодолевать конфликты.²² Специфическое состояние души в часы сна или душевной медитации он определял как «Nachgefühl des Vorherdagewesenes und das Vorgefühl des Komenden»²³ – пере-чувствование предбывшего и пред-чувствие наступающего – переживание того, что происходило некогда в прошлом, и предчувствие наступающего. Достоевскому такого рода подход к смыслу и символизму

²¹ Carus C. G. Psyche. S. 1.

²² Впоследствии на тот факт, что в основе психологического и антрополого-мифологического толкования снов у Каруса лежит древнейшая концепция четырех архетипов, элементов или стихий, обратил внимание Карл Юнг и, двигаясь далее в этом направлении, построил свою антифрейдистскую систему психоанализа.

²³ Carus C. G. Psyche. S. 21.

сновидческих образов, полных предостережений, указаний на начало чего-то ужасного и катастрофического или, наоборот, – сохранивших эмоциональную память о светлом и радостном, был близок.

Утверждая, что между физическим и метафизическим мирами, миром реальных действий и поступков и сферой душевных эмоций нет непроходимых границ, Карус развивал такое учение о личности индивида, согласно которому мечты, сны, болезненные галлюцинации и игра воображения, равно как любовь и ненависть, могут быть объединены общим смысловым знаменателем как желания – скрытые и откровенно выявленные; направленные из душевных глубин на «Я» другого или вовне, на дольний мир; желания, впитанные душою из чувств и переживаний другого индивида, из внешнего, культурного и социального мира. Как Гомер развертывает в «Илиаде» список кораблей, так Карус в «Psyche» изображает по-разному проявляющиеся желания: физическая плотская любовь и желание обладать полнотой души избранного объекта, альтруистическая любовь и желание отдать себя ближним; сочувствие, соучастие, желание устранить всё, препятствующее осуществлению желаний любимой; любовь матери к дитяти, любовь к другу, к ближнему, к Богу. Рядом с чувством полового влечения и физического обладания у Каруса стоят не только ревность и ненависть – желание устранить соперника, опасного для осуществления эгоистического стремления к обладанию, мечта о власти и победе, – но и вчувствование, душевное сопереживание, сочувствие. В гармонически прекрасной личности он видит слияние материально-физического, психического и духовного, созерцательного и деятельного начал.

У Каруса неосознанное проникает и душевную жизнь и все проявления телесной и умственной деятельности. Врач по профессии, он рассматривает психику и нервную систему как анатомико-биологическое устройство, или сеть и цепь нервов, которые управляют работой сердца, кровообращением, дыханием, сердцебиением, передают ощущения тепла и холода. Но результат деятельности нервной системы (то, что она производит) он толкует как проявление Psyche – мировой стихии в психике индивида. В замирании сердца, внезапной бледности, обмороках, болезненном жёре, сновидениях, бредовых состояниях и фантастических видениях он видит выражение неосознанного

страха, предчувствий, ожидание счастливого блаженства или роковых потерь. Выражение «слабое сердце» Карус толковал бы в равной мере как медицинский термин и как архетипическую метафору. Соответственно и у Достоевского. Так и «слабое сердце» новых персонажей Достоевского (от господина Прохарчина до Александры Михайловны из «Неточки Незвановой») не может справиться с сочувствием «предбывшему», переживанием бывшего до нас и предчувствием наступающего.²⁴

Знакомство с книгой Каруса помогает раскрыть символизм заглавия повести Достоевского. «Хозяйка» – «психия» бытия, душа всей прошлой, настоящей и будущей жизни человека. По ходу развития сюжета становится ясно, что насколько в реальной, дневной жизни Катерина покоряется злой воле Мурина, настолько же их неосознанные влечения друг к другу проистекают из чего-то «предбывшего» и определяют грядущее. Ордынову казалось, «что какая-то тайна связывала ее с стариком, но что Катерина, не сознав преступления, как голубица чистая, перешла в его власть» (1, 319).²⁵ То же и с тоской, мечтой, любовью Ордынова к Катерине. Отсюда и символика сердца слабого, робкого, но неумолимо неуступчивого; вещего, но неспособного осознать и предотвратить неизбежное. Символика душевного и физического страдания у Достоевского и симптоматика болезни и боли у Каруса указывают на проявление вонне неосознанных и мучительных желаний: что именно в организме отклонилось от нормы и потому «болит»? Бессилие, слабость, обмороки, лихорадки – это физические проявления психических и душевных движений: страстей, страхов, стыда, чувства ненависти и соперничества, желания любить, обладать объектом любви. Согласно Карусу, неосознанные идеи-чувства подготавливают сознательные самопроявления личности индивида и обогащают сознание изнутри. Особую важность имеют органические связи материнского существа и души еще

²⁴ Наталья Ашимбаева отмечает, что «обращенность к сердцу выражает неизменную, константную сущность всего творчества Достоевского» (Ашимбаева Н. Т. Особенности 'сердеведения' Достоевского // Достоевский: Контекст творчества и времени. СПб., 2005. С. 68; в работе проводится строгий анализ метафоры «Сердца» и приводится обширная библиография вопроса, см. с. 67–87).

²⁵ Фольклорно-поэтическое определение «голубица чистая» является стандартным религиозно-мифологическим символом души, Psyche.

не родившегося дитяти. Метафизическое толкование женского, материнского, дочернего и вечно женственного начал у Каруса ярко окрашено гетеанскими мотивами, что было небезразлично для Достоевского как в «Хозяйке», так и в «Неточке Незвановой».²⁶ Неосознанное эмоциональное влечение души к другому заложено в природе любви между мужчиной и женщиной, родителями и детьми, в братской любви к ближнему, в чувстве любви к Богу, миру и природе.

По Карусу, все неосознанное было прежде уже осознанным, и наоборот, – все сознательное выросло и обрело способность к деятельному самопроявлению благодаря многообразию и многосторонности душевной стихии. Индивид начинает понимать себя и других, осознаёт мир природы, общества, культуры, искусств – благодаря органическим ощущениям и «протопереживаниям», т. е. предчувствиям и неосознанным переживаниям того, что станет частью его сознания. Богатый ассортимент стихийных порывов и желаний, развернутый в «Psyche», мог подсказать Достоевскому новые пути для разработки замыслов, сфокусированных на противоречивой сложности душевного мира человека.

Возвращаясь от психологического труда Каруса к психоаналитическим исследованиям Бема, а от них – к периоду, когда в творческом сознании Достоевского созревали опорные идеи произведений 1847–1849 гг., мы вновь подходим к психологии творческой личности Достоевского. Бем показал, что создание «Хозяйки» имело своего рода терапевтическое и катарсическое воздействие на личность писателя: представив Ордынова несостоявшимся героем, мечтателем и отключившимся от живой жизни визионером, Достоевский «объективировал», вывел на поверхность и развернул в повествование скрытые в глубине собственной психики чувства вины, болезненной подозрительности и ощущение стыда при сознании неспособности помочь «чужой беде», горю, душевному распаду. Еще важнее – исполнение замысла и завершение «Хозяйки» помогло ему избавиться от сомнений в своих дарованиях, прорвать барьер писательского молчания и обрести новые творческие силы.

²⁶ С моей точки зрения, стремление найти в нарративе «Хозяйки» и «Неточки Незвановой» завуалированное изображение инцеста и фрейдистское истолкование выбранных для этого фрагментов малопродуктивно и не помогает пониманию художественного целого.